

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА (МИА, XIX и XXV)

Всестороннее изучение античной истории Северного Причерноморья — одна из общепризнанных заслуг нашей отечественной исторической науки. Успехи в этой области науки объясняются в известной мере тем, что история Причерноморья всегда рассматривалась нашими исследователями как составная часть истории нашей Родины. Еще М. С. Куторга писал, что он «указывал и постоянно выставлял необходимость изучения древней Греции, вернее говоря, эллинизма, для знания нашей русской народности»¹.

Хотя в дореволюционной России на пути успешного развития науки часто вставали непреодолимые трудности (достаточно вспомнить неблагоприятную роль монастырских властей в истории раскопок Херсонеса), а исследователи не были вооружены знанием законов развития общества или находились в плену ненаучных теорий, все же плеяда русских ученых сумела накопить огромный фактический материал и тем самым облегчила дальнейшую работу по изучению истории Северного Причерноморья.

Исключительно благоприятные условия для советских ученых, созданные нашим правительством, марксистско-ленинская теория, давшая в руки наших историков и археологов единственно научный метод исследования памятников прошлого, — все это открыло перед ними безграничные просторы в деле изучения основных проблем истории Причерноморья. Показателем этого служит выход в свет многочисленных исследований по отдельным важным вопросам социально-экономического строя и культуры античного Причерноморья, появление обобщающих работ по истории отдельных городов и попытки отдельных исследователей рассмотреть проблемы, касающиеся всего Причерноморья.

С этой точки зрения большой научный интерес представляют рецензируемые материалы и исследования по истории Пантикапея и городов Боспорского царства. Следует оговорить, что не только рамки рецензии, но и возможности рецензента, не обладающего специальными познаниями в многообразных вопросах, разрешаемых на страницах указанных выпусков МИА, не позволяют высказать всестороннее суждение по всем проблемам, нашедшим полное или частичное разрешение в 25 работах этих сборников. Мы поэтому ограничим свою задачу передачей наиболее важных итогов научной работы коллектива исследователей, занимавшихся сбором и изучением археологических памятников, добытых в результате раскопок последних лет, и наиболее существенными замечаниями по поводу открытий или суждений о сделанных открытиях.

*

Статья В. Д. Блаватского «Материалы по истории Пантикапея», которой открывается 19-й выпуск МИА, посвящена истории территориального развития столицы Боспорского государства. Учитывая своеобразную историю раскопок и, как следствие

---

¹ Цитирую по книге В. С. Сергеева «История древней Греции», М., 1948, стр. 46.

этого, трудность разрешения поставленной проблемы, надо отметить важность поднятого автором вопроса.

Придерживаясь своей периодизации, В. Д. Блаватский приходит к выводу, что в VI и первой половине V в. до н. э. Пантикапей занимал район «первого кресла Митридата» и расположенное к востоку от него плато Митридатовой горы. В этот район автор предположительно включает верхнюю часть покатоги, прилегающей к плато Митридатовой горы, и участок Северного склона горы Митридата, который раскапывался К. Е. Думбергом. В период ранних Спартокидов, по предположению В. Д. Блаватского, город расширился и занимал «первое кресло Митридата со всеми склонами последнего, а равно и низину у восточной и юго-восточной подошвы горы. Можно с несомненностью утверждать, что в IV в. до н. э. граница города продвинулась в западном направлении.

Можно предполагать, но отнюдь не утверждать, что по Северному склону город тянулся и много дальше на запад, заходя за западную ограду Старого кладбища и, может быть, даже простираясь до продолжения Госпитальной улицы» (стр. 20).

На основании данных археологических исследований В. Д. Блаватский очерчивает далее границу города времени поздних Спартокидов, включая в городскую черту Митридатову гору со всеми склонами от первого кресла до второго (стр. 26). Наконец, подводя итог анализу памятников Сарматской династии, В. Д. Блаватский предполагает, что в это время город занимал примерно те же районы, что и во времена поздних Спартокидов. «Неясным остается вопрос о северных и южных границах города в эту эпоху, так же как и в предшествовавшие времена. Мы можем полагать, что в Северном направлении город доходил до линии стен, зафиксированных Бларамбергом. При всех обстоятельствах вряд ли город мог простираться далее нынешней улицы Карла Маркса, как показывают наблюдения над земляными работами 1948 г.» (стр. 34).

Несмотря на всю необходимую в данном случае осторожность в заключениях, автор убедительно показывает направления территориального развития города и определяет площадь Пантикапея равной около 100 га. Пантикапей являлся известное время крупнейшим административным центром античного Причерноморья.

Дополнением к этой статье является «Летопись раскопок и случайных находок на Пантикапейском городище», составленная автором совместно с Б. Н. Граковым, и «Топографический обзор раскопок и случайных находок на Пантикапейском городище».

Исходя из справедливого предположения, что накопленный материал позволяет составить общее представление о городах Северного Причерноморья, В. Д. Блаватский рассматривает историю развития Пантикапея в рамках предложенной им периодизации истории античных городов Причерноморья¹. Он делит историю городов Северного Причерноморья на три периода: 1) с VII по середину V в. до н. э., 2) с конца V до рубежа II—I вв. до н. э. и 3) с I в. до н. э. по IV в. н. э. Одновременно В. Д. Блаватский предлагает для каждого из указанных периодов более мелкие членения.

К сожалению, предложенная В. Д. Блаватским периодизация лишена теоретического обоснования. Коренной методологический порок этой периодизации — отсутствие единого определяющего фактора, изменения которого могут быть положены в основу хронологического деления.

Советские историки имеют непревзойденный образец подлинно научной периодизации истории общества, имеющийся в Кратком курсе истории партии (стр. 119). Здесь в основу периодизации положены изменения в развитии производственных отношений людей, их экономические отношения. На основе этого с предельной четкостью установлено пять основных типов производственных отношений. Характеристика каждого типа неизменно начинается с определения основы производственных отношений. Только таким образом создается возможность сопоставить один период с другим, познать закономерности развития общества, видеть перспективы развития человеческого общества.

¹ В. Д. Блаватский, *Античная культура в Северном Причерноморье*, КСИИМК, XXXV, 1951, стр. 30 сл.

Можно сослаться также на археологическую периодизацию, в основу которой положены изменения материала для изготовления орудий (камень, бронза, железо) и техники обработки одного материала (палеолит, мезолит, неолит). Этому требованию в известной мере отвечает и отвергаемая В. Д. Блаватским периодизация (архайка, классика, эллинизм, римский период), так как в ее основе лежит картина развития рабовладельческого строя (его формирование, развитие в городах-государствах, затем в крупных государствах, наконец, упадок и гибель рабовладельческого строя).

В. Д. Блаватский положил в основу три фактора: «изменения в этническом составе населения, в социальном строе и характере культуры» (КСИИМК, XXXV, стр. 31), но не объяснил, почему эти факторы и именно в таком порядке должны быть положены в основу периодизации, и к тому же не показал изменений этих факторов во всех периодах. Если в этом отношении более или менее благополучно¹ показаны изменения в этническом составе населения², то изменения в социальном строе совершенно не показаны и, видимо, вместо этого уделяется внимание политическому строю. Касаясь культуры, В. Д. Блаватский отмечает, что в первом периоде характер ее был «по всей видимости... в основном эллинским», во втором — культура имеет в основном греческий характер, но в ней заметно выступают черты своеобразия, и, наконец, в культуре третьего периода занимали «видное место» сарматы (там же, стр. 31 сл.). Не говоря об отсутствии четкости при характеристике культуры каждого периода, отметим, что изменения культуры не зависят в первую очередь от того, какому народу она принадлежит, как об этом можно судить по приведенным характеристикам.

Свои выводы В. Д. Блаватский подкрепляет тем, что эта периодизация удобна для членения археологического материала. Может быть. Но при этом следует помнить, что археологическая периодизация, отражающая изменения в технике, не всегда может быть надежной опорой для периодизации исторических событий. Возможно, отсутствие прочных теоретических основ для своей периодизации заставило В. Д. Блаватского часто отступать от нее³. По всем этим соображениям периодизация В. Д. Блаватского вызывает очень большие сомнения.

Вторая группа наших замечаний касается использования эпиграфических памятников для решения поставленной проблемы. На наш взгляд, автор не уделил им достаточного внимания. В самом деле, если у В. В. Латышева опубликована 341 надпись из Пантикапея и его окрестностей, то в основном тексте статьи В. Д. Блаватского ссылки на надписи единичны.

Об этом в какой-то степени говорит и такой факт. В. Д. Блаватский, сообщая о находке плиты в доме Томазини, пишет, что «нам неизвестно расположение» этого дома (стр. 31). Но в доме, принадлежащем Томазини, найдена не одна, а несколько надписей (IOSPE, II, стр. 7, № 8; стр. 38, № 38; стр. 292, № 49), причем, касаясь надписи № 8, В. В. Латышев приводит слова Люценко, который точно локализует дом Томазини. Если у В. Д. Блаватского есть сведения, что надпись, упоминаемая им, найдена в другом доме, то об этом следовало сказать.

¹ Мы говорим «более или менее благополучно» потому, что для второго периода не дана полная картина изменения этнического состава населения городов Причерноморья.

² В первый период «исключительная роль в жизни Северного Причерноморья принадлежала ионийцам», во второй — «главной силой на Северочерноморском побережье было... Боспорское греко-меотское государство Спартокидов», и третий период — «время наибольшей сарматизации античных городов нашего Юга» (КСИИМК, XXXV, стр. 31 сл.).

³ Ср. «над этими могилами лежала насыпь, заключавшая... памятники классического времени» (МИА, XIX, стр. 19); «Возможно, к эллинистическому времени относится постройка, обнаруженная А. Е. Люценко в 1871 г.» (стр. 20); «...За оградой Старого кладбища лежал некрополь классического времени» (стр. 22) и т. д.

К числу второстепенных замечаний следует отнести то, что в статье не показаны с достаточной убедительностью погрешности планов И. Бларамберга и А. Б. Ашика, а читателю не предоставлена возможность самостоятельно судить по этому поводу, так как планы И. Бларамберга и В. Д. Блаватского разномасштабны. К тому же на плане В. Д. Блаватского (стр. 32) нет возможности, как рекомендует автор, «сопоставить расстояния между наиболее надежными ориентирами: вершиной (первым креслом) Митридатовой горы, береговой линией, устьем Мелек-Чесмы, ее течением» (стр. 31), ввиду отсутствия на плане указанной реки.

Вряд ли правильно связывать улучшение постановки археологических раскопок на Боспоре в 90-х годах прошлого столетия только с появлением новых деятелей, как это утверждает автор (стр. 10). Пожалуй, было бы более верным увязать сдвиги в изучении Боспора с общим развитием русской дореволюционной археологической науки.

Статья Г. А. Цветаевой «Грунтовой некрополь, его история, этнический и социальный состав» как бы продолжает статью В. Д. Блаватского. На основе данных археологических раскопок Г. А. Цветаева рисует убедительную картину не только территориального расширения некрополя в периоды расцвета Пантикапея, но и усиление социальной дифференциации населения в эти периоды. Вместе с тем автор делает попытку выяснить изменения в этническом составе населения Пантикапея, показывая не только стойкость местных погребальных обрядов, но постепенное увеличение, особенно со II в. до н. э., числа местных погребений. Без сомнения, собранный Г. А. Цветаевой материал послужит в дальнейшем ценным основанием для более всестороннего исследования пантикапейского некрополя.

Однако, оценивая положительно общие результаты исследования, нельзя не обратить внимание на наличие неопределенных формулировок. Так, на стр. 63 мы читаем: «Советские археологи, вооруженные методом марксизма-ленинизма, переосмысливают добытые вещевые материалы в рамках социально-политической истории». Эта фраза станет еще менее понятной, если прибавить, что она не связана непосредственно ни с предшествующими, ни с последующими текстами.

Еще более неясно утверждение автора, что во второй половине II в. до н. э. «переплетался ряд противоречий социальной жизни: угнетенными были представители местных племен — рабы и ремесленники, угнетателями — греки-рабовладельцы и крупные торговцы» (стр. 73).

В этом же сборнике помещены материалы, касающиеся изучения некрополя Фанагории (В. Д. Блаватский, «Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 гг.»; М. М. Кобылина «Раскопки „Южного“ некрополя Фанагории в 1947 г.» и того же автора «Раскопки „Восточного“ некрополя Фанагории в 1948 г.»), среди которых особенно важны итоги работ В. Д. Блаватского, так как они не только дали интересные и новые находки, но и позволяют судить о территориальном расширении Фанагории.

Статья И. Т. Кругликовой посвящена местной керамике из грубой глины¹ и по своим задачам близка статье Е. Г. Кастанаян о лепной керамике². Надо согласиться с авторами, что объект их исследования чрезвычайно важен, а результаты исследования могут дать многое для всестороннего изучения античного Причерноморья; однако, на наш взгляд, авторы иногда суживают возможности исследования, считая анализируемую керамику принадлежащей местным элементам (МИА, XIX, стр. 105). Не возражая против справедливости в основном этой мысли, следует сказать, что греческое население вполне могло готовить для повседневных нужд грубую посуду простейшими способами. При этом нельзя забывать и о социальной дифференциации колонистов, которая должна была найти отражение в керамике.

Нам поэтому кажется более правильным другое положение И. Т. Кругликовой:

¹ И. Т. К р у г л и к о в а, Фанагорийская местная керамика из грубой глины, МИА, XIX, стр. 87 сл.

² Е. Г. К а с т а н а я н, Лепная керамика Мирмекия и Тиритаки, МИА, XXV, стр. 249 сл.

«Вероятно, к концу эпохи III—I вв. до н. э. местный элемент в городском населении настолько усилился, что начал оказывать влияние на весь характер городской культуры» (стр. 105).

Статья Д. Б. Шелова «Монетная система Боспора в VI—V вв. до н. э.» касается важной стороны экономической жизни Северного Причерноморья. Автор вносит существенные поправки в классификацию веса монетных систем, выработанную в свое время А. Л. Бертье-Делагардом. Существенным недостатком работы Д. Б. Шелова является то, что за пределами внимания автора оказались многие указания К. Маркса о денежном обращении в античном мире.

Две статьи М. М. Кобылиной посвящены вопросам изобразительного искусства. «Поздние боспорские пелики и скульптура Боспора» (стр. 136 и сл.), с которыми тесно связаны статьи М. А. Наливкиной и А. П. Ивановой¹, требующие специального анализа. Важно отметить, что указанные авторы, анализируя памятники изобразительного искусства, приходят к выводу о самобытности боспорского искусства, что в какой-то мере находит соответствие со всеми другими материалами сборников.

Том XIX МИА заключен отчетом В. Д. Блаватского о раскопках в Хараксе, который дает интересный материал, выводящий исследователя за рамки «римского периода» истории этого поселения.

*

Большой коллектив Боспорской экспедиции, привлекая к своей работе специалистов разных областей, в результате многолетнего систематического изучения Тиритаки и Мирмекии открыл и ввел в научный оборот колоссальный фактический материал. Выдающиеся успехи Боспорской экспедиции представляют собой яркий пример плодотворного развития советской археологии. Базируясь на строго научном фундаменте марксистско-ленинского учения об обществе, постоянно совершенствуя свои методы, она позволяет нашим археологам внести плановость в свою работу, предвидеть возможные результаты и, делая объектом всестороннего изучения каждую вещь, превращает памятники материальной культуры в надежный источник наших знаний о далеком прошлом. Именно поэтому уже первые отчеты о раскопках, опубликованные в 1941 г.², и рецензируемые отчеты и исследования представляют огромный научный интерес.

Большую часть XXV выпуска МИА составляют отчеты В. Ф. Гайдукевича о раскопках 1935—1940 гг. в Тиритаке и Мирмекии. Особенно важен отчет о раскопках Тиритаки, так как он подводит итог более продолжительному периоду раскопок и позволяет видеть некоторые общие контуры истории этого поселения. Помимо общего значения всех обнаруженных памятников особый интерес представляют производственные комплексы, изучение которых поможет выяснить историю экономической жизни Причерноморья. Эти данные в известных случаях дают историку античного мира возможность выйти за пределы Причерноморья и составить представление о малоизученной, но чрезвычайно важной стороне экономической жизни рабовладельческого общества.

Важное место среди хозяйственных комплексов занимают рыбозасолочные ванны. Как указывает В. Ф. Гайдукевич, за все время раскопок Тиритаки здесь было обнаружено 59 рыбозасолочных ванн³. Это позволяет сделать некоторые замечания о характере рыбозасолочного промысла в Тиритаке.

Сравнивая данные о тиритакских ваннах с имеющимися у нас сведениями о 78

¹ М. А. Н а л и в к и н а, Терракоты Мирмекии и Тиритаки; А. П. И в а н о в а, Голова из известняка, найденная в Тиритаке, и вопрос о раннем этапе местного стиля боспорской скульптуры, МИА, XXV, стр. 327 сл.

² МИА, IV, 1941.

³ МИА, XXV, стр. 133. В опубликованных отчетах нам удалось найти сведения о 55 ваннах.

херсонесских цистернах¹, мы можем сделать следующие сопоставления. Если объем ванн Тиритаки, как правило, не превышает 10 м³ (исключение составляют ванны № 4 и № 5, имеющие каждая объем свыше 13 м³), то в Херсонесе только семь цистерн имеют объем меньше 10 м³. Каждая из двух десятков херсонесских цистерн превосходит своим объемом обычные комплексы тиритакских рыбозасолочных ванн, а одна (№ 48) имеет объем больший, чем самый крупный тиритакский комплекс, состоящий из 16 ванн³.

Далее, если тиритакские ванны расположены комплексами из 3, 4, 6 и даже 16 ванн (за небольшими исключениями)⁴, то херсонесские цистерны, как правило, разбросаны поодиночке по всей территории раскопанных или обследованных участков херсонесского городища. Изучение херсонесских цистерн показало разнообразные и иногда довольно сложные технические приемы их сооружения; например, под цистерну № 18 была подведена гончарная труба, которая сообщалась с колодезем, доходившим до уровня морской воды; пол цистерны № 49 был вымощен огромными кирпичами, а пол цистерны № 75 заключал между двумя прослойками цемянки тщательно уложенные маленькие кубики кирпича⁵.

Но при этом не представляется возможным судить о наземных постройках, связанных с цистернами.

В Тиритаке, наоборот, технические приемы устройства ванн столь однообразны, что В. Ф. Гайдукевич, сравнивая два комплекса ванн, расположенных на XIII участке, лаконично замечает: «Ванны построены из тесаных плит и с технической стороны ничем существенным не отличаются от ванн группы „А“» (стр. 57). Зато имеются сведения о наличии наземных построек, связанных с рыбозасолочными ваннами. Наконец, если в нескольких херсонесских цистернах сохранились значительные остатки рыбы, то в тиритакских ваннах таких скоплений рыбных остатков не обнаружено.

Наряду с этими различиями имеет место и одно существенное сходство. Оно состоит в том, что время возникновения и функционирования рыбозасолочных промыслов в Херсонесе и Тиритаке примерно одно и то же.

Из сказанного, на наш взгляд, следует:

1. В античном Причерноморье существовало несколько центров, жители которых занимались рыбной ловлей и обработкой рыбных продуктов. Среди них пока на первом месте следует поставить Херсонес (объем херсонесских цистерн 2000 м³, тогда как в Тиритаке он немного более 500 м³).

2. Различие в структуре рыбозасолочных ванн, видимо, следует объяснить тем, что жители Тиритаки занимались ловлей и соленьем другой породы рыбы, чем херсонесцы⁶. Более ценные породы рыб, с которыми имели дело жители Тиритаки, требовали, видимо, дополнительных операций, которые производились в помещениях.

3. Одновременное быстрое развитие рыболовного промысла в ряде городов Северного Причерноморья некоторые исследователи связывают с появлением здесь⁷ или в Малой Азии⁸ римских гарнизонов.

¹ Сводные данные о 77 цистернах см. в УЗ СГПИ, вып. 4, стр. 5 слл. Следует отметить, что сведения о большинстве херсонесских цистерн собраны дореволюционными археологами, как известно, часто пренебрегавшими подобного рода памятниками. Это затрудняет иногда сравнение.

² МИА, IV, стр. 52.

³ См. ИАК, вып. 20, СПб., 1906, стр. 50.

⁴ МИА, XXV, стр. 56 и 113.

⁵ УЗ СГПИ, вып. 4, стр. 8, 13 и 39.

⁶ См. Т и х и й, Анчоус Херсонеса Таврического, Пг., 1917; Ю. Ю. М а р т и, Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия, СА, VII, стр. 94 сл.

⁷ Ю. Ю. М а р т и, Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозаготовочных ванн, МИА, IV, стр. 24.

⁸ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг., МИА, XXV, стр. 133.

Хотя мы не соглашались и раньше с этой точкой зрения¹, теперь она нам кажется еще менее убедительной. В самом деле, если подсчитать то количество соленой рыбы, которое производилось в указанное время в Причерноморье (будущие раскопки сулят нам новые открытия в этой области), то трудно представить, чтобы эта продукция шла только на обеспечение римских гарнизонов. Ведь один только тиритакский комплекс мог дать 12 800 центнеров рыбы в год² и, следовательно, прокормить на протяжении года 3 500 человек, даже при том маловероятном условии, что каждый из них будет потреблять по килограмму рыбы ежедневно в течение всего года. Если принять во внимание всю продукцию рыбообрабатывающих центров Северного Причерноморья, то станет несомненным предположение, что римские гарнизоны (а их численность и роль на нашем Юге далеко не выяснены) не могли быть потребителями такого количества однообразных пищевых продуктов. Против этого, нам кажется, говорят все материалы сборников, свидетельствующие об экономическом и культурном подъеме Боспора и его городов, начавшемся ранее появления здесь римских гарнизонов.

Поэтому целесообразнее искать причину развития рыболовного промысла, как и других отраслей хозяйства, в усилении экономического значения Причерноморья, как своеобразного центра античной культуры в общей системе античного мира.

Вторым важным результатом раскопок явилось открытие античных виноделен, остатки которых дают возможность высказать окончательное суждение о технике выжимки виноградного сока и сделать ряд других важных предположений об экономической жизни Причерноморья. Остановимся на первом вопросе. Винодельни Тиритаки и Мирмекия, являющиеся во многих отношениях уникальными, дают и для решения этого вопроса ценный материал. Виноградарство и виноделие представляло важную отрасль хозяйства в древности, и здесь, несомненно, вырабатывались разнообразные технические приемы, несмотря на то, что наличие рабского труда ограничивало развитие техники. Одним из важных открытий в этой области было изобретение пресса для выжимки виноградного сока, сведения о котором мы находим у Катона и Плиния. На основании этих сведений были сделаны попытки реконструировать виноградный пресс. Составные его части — площадка, резервуар для сока, вал, который, благодаря своей массивности, мог выполнять роль пресса, упор для вала (столбы или ниша из камней или в камне), доска или плита, прокладываемая между прессуемой массой и валом, и, наконец, груз или гири, иногда заменяемый винтом или лебедкой. Из этих составных частей три (площадка, резервуар, гири) хорошо прослежены и описаны в рецензируемых отчетах, так же как и в отчете за предшествующие годы³. Нам кажется, что есть возможность восстановить и еще одну часть пресса — доску или плиту, необходимую для равномерного распределения силы давления.

При раскопках Тиритаки на V—VI участках в одном из резервуаров винодельни, расположенном против здания «В», была обнаружена отесанная известковая плита, ее размеры: длина 1 м, выс. 0,55 м, толщина 0,12 м. С одной стороны плита покрыта тонким слоем штукатурки, как и все оцементированные части винодельни⁴. Нам думается, что плита имела иное назначение, чем то, которое указывает автор.

В. Ф. Гайдукевич считает ее частью облицовки стены № 157. В подобном случае можно было бы ожидать находки нескольких плит и в различных винодельнях; кроме того, применение цемянки могло избавить от употребления тесаных плит для облицовки⁵. Имеющиеся в отчете данные об этой плите позволяют считать, что она находилась между валом и прессуемой массой.

¹ УЗ СГПИ, стр. 45.

² МИА, IV, стр. 94.

³ МИА, IV, стр. 115 сл.

⁴ МИА, XXV, стр. 39.

⁵ Ссылка автора на винодельню Темир-Горы (СА, VII, стр. 48) не подтверждает его предположения. Там из плит состоит не облицовка стен, а сами стены. Кроме того, и там найдена плита, которую В. Ф. Гайдукевич считает грузом, но для этой цели она неудобна.

К сожалению, во всех давилнях, открытых в Тиритаке и Мирмекии, не сохранилось упора для вала; может быть, он составлял особое сооружение из камня или бревен, материал которого представлял ценность в строительном деле и использовался на другие нужды после прекращения деятельности давилен. Все же эта существенная деталь, без которой невозможно говорить о применении пресса, реконструируется на основе имеющихся данных Херсонесского музея¹.

Таким образом, хотя остается еще не найденной одна деталь — вал (и вряд ли она будет найдена, так как, будучи деревянным, он мог сохраниться лишь при исключительных условиях), теперь, благодаря работам Боспорской экспедиции, можно смело реконструировать античные виноградные прессы. Кроме того, как справедливо отмечает В. Ф. Гайдукевич², открытие виноделен позволяет судить о вкладе боспорцев в развитие этой отрасли материальной культуры.

Не имея возможности коснуться других чрезвычайно важных открытий Боспорской экспедиции, мы хотели бы высказать некоторые пожелания. Необходимо установить порядковую нумерацию однотипных памятников (цистерн, виноделен). Ее отсутствие затрудняет уже сейчас, а с дальнейшими раскопками еще более будет затруднять введение в научный оборот результатов археологических исследований. Далее, на плане раскопок Тиритаки обозначены участки раскопок, последний порядковый номер которых XIX. Хотя раскопки в отчетный период велись не на всех участках, но автор правильно поступает, ставя в известность читателя о том, как изучались или изучаются другие участки. Однако эта информация почему-то касается только некоторых участков, а на плане не все они представлены (например, нет 7-го и 8-го участков). Наконец, в отчете не всегда указаны размеры найденных вещей или памятников. Например, на стр. 96 имеются сведения об обнаруженной цистерне, дана длина и ширина стен вверху и на уровне дна, но глубина ее не указана; на стр. 149, сообщая о находке плиты для порога с 5 выемками, автор не указывает глубины четырех из этих выемок. Нет нужды разъяснять, что подобные лакуны крайне затрудняют суждение о сделанных открытиях.

Вторую часть этого выпуска МИА занимают публикации и исследования, среди которых важное место принадлежит работам по керамике. Покойная Р. В. Шмидт в статье «Греческая архаическая керамика Мирмекии и Тиритаки» на основе большого фактического материала, привлеченного из раскопок различных пунктов античного мира, дала классификацию найденных керамических изделий по наиболее вероятному месту их изготовления и попыталась определить роль и значение привозной керамики.

Сделанные автором ценные наблюдения позволят в дальнейшем составить более полное представление о связи городов Боспорского государства с материковой Грецией и другими пунктами античного мира.

Т. Н. Книпович посвятила свою работу «Краснолаковая керамика первых веков нашей эры» анализу пахонок этого вида керамики из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. и как бы продолжает исследование Р. В. Шмидт. Статья обращает на себя внимание осторожностью в обобщениях, за которой чувствуются суждения опытного специалиста. Для подкрепления своих выводов автор привлекает нумизматический материал, эпиграфические данные и известные нам сведения из политической истории Боспорского государства. Все это придает выводам Т. Н. Книпович особенную убедительность. Важнейший из ее выводов, сделанный на основе изучения массового керамического материала, состоит в том, что экономические связи античного Причерноморья с Малой Азией, существовавшие на протяжении всей истории северочерноморских городов, усилились в I в. до н. э. и особенно окрепли и упрочились в I в. н. э.

¹ Черновики Скубегова. Реконструкция херсонесского пресса. См. УЗ МГПИ им. В. И. Ленина, т. XXVIII, вып. I, М., 1942, стр. 93 сл.

² МИА, XXV, стр. 217.

Эти две статьи, посвященные анализу керамики, как бы дополняются систематизацией амфорных клейм, сделанной Е. М. Штаерман¹.

Не касаясь здесь описания монет, найденных при раскопках Тиритаки и Мирмекия в 1935—1940 гг., сделанного покойным А. Н. Зографом, и комментариев к нему, составленных Л. П. Харко, так как они требуют специального исследования, надо отметить очень интересное предположение о назначении так называемых «грузил»². В. Ф. Гайдукевичу удалось убедительно показать, что они скорее относятся к ткацкому ремеслу, чем к рыбному промыслу.

*

Помещенные в рецензируемых сборниках материалы создавались до выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и были опубликованы до того, как сокровищница марксистско-ленинского учения обогатилась трудом И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Авторы поэтому не имели возможности оценить обнаруженные вещественные памятники с того теоретического уровня, на котором теперь находится советская историческая наука. Но, опираясь в своей работе на марксистско-ленинское учение об обществе, они дали ценный материал для рассмотрения истории Северного Причерноморья в свете гениальных трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания и по экономическим вопросам.

В заключение следует остановиться на наиболее важном итоге всех работ. В предисловии к МИА XIX в качестве одной из основных задач авторов сборника выдвинуто их стремление «осветить вопросы экономики и культуры боспорских племен и выяснить ту роль, которую играли местные племена в жизни боспорских городов» (стр. 6). Эта задача выдвигается и в XXV выпуске МИА.

Нам кажется, что в настоящее время для исследователей Северного Причерноморья эта задача — пройденный этап не только потому, что за последние годы многое сделано для ее решения и что она уже фактически решена. Нам кажется, что итоги деятельности Боспорской экспедиции и других археологов, равно как результаты исследовательской работы всех тех, кто последнее время занимался изучением истории Северного Причерноморья, позволяют в свете новых положений об истории человеческого общества, содержащихся в трудах И. В. Сталина, поставить проблему комплексного изучения Северного Причерноморья.

И. В. Сталин, характеризуя монархии рабовладельческого периода, указывает, что они являлись конгломератом племен и народностей. Действительно, ни древняя Греция, ни Италия после завоевания ее Римом, не представляли собой единого целого с точки зрения состояния экономики и социального строя. Такую же картину мы видим и в Северном Причерноморье.

Однако вполне правомерно изучение древней Греции и древнего Рима (со включением народов Италии) как известного целого; равным образом правомерно целостное изучение других подобных районов античного мира. Основанием этому является наличие экономических связей (например, малоазиатские греческие города), или наличие военно-административных связей (например, в Италии завоеванной Римом), или, наконец, наличие этнической и языковой близости (например, в древней Греции). Думается, что в Причерноморье можно теперь видеть наличие связей, превращающих этот район в самостоятельный центр античной культуры.

До сих пор представляется трудным восстановление ранней истории Причерноморья, хотя в этом отношении сделано немало. Однако с того времени, как Греция вступает в полосу кризиса, когда затем ряду эллинистических государств был нанесен

¹ Е. М. Штаерман. Керамические клейма из раскопок Мирмекия и Тиритаки, стр. 387 слл.

² В. Ф. Гайдукевич, К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях, стр. 395.

удар Римом, а сама Римская республика была объята пожаром восстаний, в Северном Причерноморье наблюдается формирование государств эллинистического типа. Процесс образования новых отношений происходит не только в старых греческих городах, но и среди местных племен (Неаполь, Елисаветинское городище). Вместе с тем меняется социальный и этнический состав греческих городов, о чем красноречиво говорит керамика. Это приводит к тому, что греческие города в известной мере становятся центрами местных племен, которые, используя греческие образцы, создают самобытную культуру.

Хотя в Причерноморье и не состоялось военно-административного объединения, которое хотя бы временно соединило все жившие здесь племена и народности, все же здесь были налицо хозяйственные связи, порожденные товарным производством, существовавшим и при рабовладельческом строе.

Это превращало Северное Причерноморье в особый центр античной культуры, экономическое развитие которого оказывало влияние на состояние других районов античного мира. Быстрый рост хозяйства в указанный период говорит об усилении этого влияния, особенно на города Малой Азии. Самостоятельное прогрессивное развитие народов Северного Причерноморья в античную эпоху не прошло без следа для последующей истории.

Такая постановка вопроса, нам кажется, позволяет привести еще одну иллюстрацию к указанию Г. М. Маленкова о том, что «теперь государственные границы Советского Союза наиболее соответствуют исторически сложившимся условиям развития народов нашей страны»¹.

Е. Г. Суров

Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. I. Под редакцией В. Д. Блаватского и Б. Н. Гракова, МИА, т. XIX, 1951, 294 стр., тираж 2000 экз., цена 30 руб.

Рецензируемый том открывается статьей В. Д. Блаватского «Материалы по истории Пантикапея», содержащей обстоятельный обзор археологических исследований, производившихся в течение XIX и первой половины XX вв. на территории пантикапейского городища. Важность такой работы вполне очевидна. Давно уже назрела потребность подытожить результаты археологического изучения городища Пантикапея, этого крупнейшего культурно-экономического и политического центра причерноморской античности.

В. Д. Блаватскому пришлось выполнить очень трудоемкую и кропотливую работу по сбору сведений как о различных раскопках пантикапейского городища, так и о всех отдельных, случайного характера находках. Опираясь на тщательно собранные данные, В. Д. Блаватский выясняет археологическую топографию пантикапейского городища. Очень ценен план городища с обозначением всех пунктов раскопок и мест случайных находок (стр. 14). Большое внимание В. Д. Блаватский уделяет вопросу реконструкции процесса роста города, определению границ Пантикапея в различные периоды. Автором приняты во внимание все доступные сейчас для выяснения указанного вопроса факты, и в этом смысле выводы, вполне наглядно отраженные на «Схематическом плане предполагаемых границ Пантикапея» (стр. 16), являются достаточно обоснованными.

¹ Г. М. Маленков, Отчётный доклад XIX съезду партии о работе Центрального Комитета ВКП(б), Госполитиздат, 1952, стр. 76—77.